

Научная статья

УДК 82

DOI 10.17223/18137083/80/9

Своеобразие сюжета воспоминания в поэме Б. Волкова «Возведенные на эшафот»

Елена Николаевна Проскурина¹
Игорь Витальевич Силантьев²

^{1,2} Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ proskurina_elena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2809-6780>

² silantev@philology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1399-8960>

Аннотация

Статья посвящена поэтическому творчеству забытого автора восточной эмиграции Б. Волкова (1894–1954). При его жизни в 1934 г. вышел лишь единственный сборник стихов «В пыли чужих дорог». Сюжетное движение в книге предстает как сюжет воспоминания, где отражен драматический жизненный опыт автора, оказавшегося в эпицентре российской истории начала XX в.: участие в Первой мировой войне, служба в Белой армии, борьба против панмонгольского движения Унгерна, бегство в Китай и эмиграция в Америку. Особенно интригующей оказалась последняя часть книги: «Возведенные на эшафот. Отрывки из поэмы». Время действия в поэме – антииспанская революция в Нидерландах XVI в. Как показал анализ произведения, в нем через переключку исторических эпох отражены драматические повороты биографии автора в период его борьбы против Унгерна.

Ключевые слова

восточная эмиграция, поэзия Б. Волкова, барон Унгерн, испанская инквизиция, «Молот ведьм», сюжет воспоминания, интертекст

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера»

Для цитирования

Проскурина Е. Н., Силантьев И. В. Своеобразие сюжета воспоминания в поэме Б. Волкова «Возведенные на эшафот» // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 94–109. DOI 10.17223/18137083/80/9

© Проскурина Е. Н., Силантьев И. В., 2022

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 94–109

Siberian Journal of Philology, 2022, no. 3, pp. 94–109

Peculiarity of the memory plot in the poem by Boris Volkov “Brought on the scaffold”

Elena N. Proskurina ¹, Igor V. Silantev ²

^{1,2} Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ proskurina_elena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2809-6780>

² silantev@philology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1399-8960>

Abstract

The paper is devoted to the poetry of Boris Volkov, the forgotten author of the Eastern emigration (1894–1954). During his lifetime, only a single collection of his poems, “In the Dust of Foreign Roads,” was published in 1934. The plot movement in the book appears as the memory narrative, reflecting the dramatic life experience of the author. He finds himself in the very midst of Russian history, at the beginning of the 20th century: participation in the First World War, service in the White Army, fight against the Pan-Mongol movement of Ungern, flight to China, and emigration to America. Of particular intrigue was the last part of the book “Brought on the scaffold. Excerpts from a poem,” with the action taking place during the anti-Spanish revolution in the Netherlands of the 16th century. The study has shown that the dramatic turns of the author’s biography, during his struggle against Ungern, are reflected through the roll call of historical epochs. The analysis involved Volkov’s memoirs dedicated to this period. The image of an inquisitor who burns heretics and the pictures of executions refers to the episodes of sophisticated torture of prisoners initiated by the baron and captured in Volkov’s memoirs. Thus, the work implicitly draws the author’s modernity, the events of the 16th century, into its whirlpool by making it one of its reflections.

Keywords

Eastern emigration, poetry of B. Volkov, Baron Ungern, the Spanish Inquisition, “Hammer of the Witches”, memory plot, intertext

Acknowledgments

The research was funded by Russian Science Foundation (RSF), project no. 19-18-00127 “Siberia and the Far East of the first half of the 20th century as a literary transfer space”

For citation

Proskurina E. N., Silantev I. V. Peculiarity of the memory plot in the poem by Boris Volkov “Brought on the scaffold”. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 3, pp. 94–109. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/80/9

Наиболее полное представление о поэтическом таланте автора восточной эмиграции Б. Волкова (1894, Екатеринбург – 1954, Сан-Франциско) можно получить из его книги стихов «В пыли чужих дорог», единственный раз изданной в Берлине в 1934 г. Фрагментарное знакомство отечественного читателя с Волковым-поэтом связано с выходом в 1994 г. четырехтомной антологии поэзии русского зарубежья «Мы жили тогда на планете другой...», охватывающей период с 1920 по 1990 г. Во втором томе этого собрания опубликовано четыре стихотворения Б. Волкова: «Пулеметчик Сибирского правительства», «Патриотическая открытка», «Уходящие корабли», «Кочевья» [«Мы жили тогда на планете другой...», 1994, с. 57–61]. Более объемная подборка представлена в антологии «Русская поэзия Китая», вышедшей в 2001 г. Однако до настоящего времени имя Волкова остается практически не известным не только широкому читателю, но и исследователям русского зарубежья.

Сюжетное движение в книге «В пыли чужих дорог» разворачивается как сюжет воспоминания. Об этом может свидетельствовать ее первое название: «Реестр моих переживаний» (Вольная Сибирь, 1929, № 5, с. 113) – в значении творческой рефлексии над пережитым. Главный смысл книги выражен в эпитафии, воспроизводящем слова Лао-Цзы: «Справедливость и человеколюбие нынешнего времени – пустые звуки: они служат прикрытием жестокости и тревожат сердца людей» [Волков, 1934]¹. В нем «зашифрован» драматический жизненный опыт автора, оказавшегося в эпицентре российской истории начала XX в.: участие в Первой мировой войне, служба в Белой армии в должности офицера по особым поручениям в восточном штабе Сибирского правительства. Членства в Сибирском правительстве, ведшем борьбу против панмонгольского движения Унгерна, было для барона достаточно, чтобы приговорить Волкова к смерти. Чудом избежав расстрела, он бежал из Урги в Хайлар. Далее была эмиграция через Китай в Америку. «...То, что пережили Волковы, зачаровывает. Сцены, которые они видели, столь ужасны и кровавы, их бегство из Монголии столь чудесно, что будущий читатель их книги, захваченный рассказом, невольно содрогнется... Через бесконечные степи страны, превышающей в пять раз Францию, Живой бог, сумасшедший барон Унгерн фон Штернберг, монгольские бандиты, московские комиссары, тибетские монахи, американские авантюристы, русские беженцы, и преследуемые евреи, – всё это было снесено и сжато ветрами: красным вихрем, несущимся из Москвы, и раскаленным до бела – откуда-то со стороны Гобийских пустынь» (Вольная Сибирь, 1929, № 5, с. 112–113). Это впечатление профессора Калифорнийского университета А. Коуна сложилось в процессе чтения рукописи неопубликованного автобиографического романа Волкова «Царство золотых будд». Любопытно было бы сравнить его текст, считающийся утерянным, с книгой «В пыли чужих дорог», в которой особенно интригующей нам представляется последняя, четвертая часть, озаглавленная «Возведенные на эшафот (Отрывки из поэмы)». Время действия в поэме – вторая половина XVI в. Место действия – «Фландрия и Известные Страны». Действующие лица – «Такие же люди, как мы» (с. 125). Последняя ремарка служит эмблемой переключки исторических эпох, намекая на соответствия военной биографии автора событиям антииспанской революции в Нидерландах XVI в. Усиливает это пересечение часть предыдущей ремарки: «Известные Страны», намекая на скитальческую судьбу поэта, преодолевшего тысячи километров – от степей Монголии до Северной Америки. Соотнесенность с собственной биографией следует и из включения поэмы в «реестр» авторских «переживаний».

Если первые три части книги «В пыли чужих дорог» развивают главную, дорожную тему в ее связи с миром Востока, скитаниями поэта по неизвестным странам, беспредельным «степям» и «курганам» (подробнее об этом см.: [Проскурина, 2021]), то в подтексте сюжета поэмы «Возведенные на эшафот» мерцают переключки с периодом службы Волкова в Сибирском правительстве и его командировок в Монголию для участия в борьбе против панмонгольского движения Унгерна. Воспоминания об этом времени отражены в «унгерновском» цикле Волкова: «В освобожденной Урге (Впечатления очевидца)», «Об Унгерне (из записной книжки белогвардейца)», «Конец Унгерна», «Заговор против Унгерна», «Унгерн в Монголии», «Записки “Пономарева”» [Унгерниада..., 2007]. Во многом

¹ Далее цитаты из книги приводятся по этому изданию с указанием страниц в скобках. Цитирование дается в соответствии с правилами современной орфографии. – *Е. П., И. С.*

посвятив свои воспоминания «кошмарным кровавым» расправам Унгерна и его сподручных над пленными офицерами, местными жителями и их семьями, своей целью Волков-мемуарист также ставил сохранение в памяти образа барона как пример «атаманизма», явившегося, с его точки зрения, одной из основных причин поражения Белой армии в Сибири. Мотив изощренных издевательств, пыток и казней проходит сквозь весь текст воспоминаний. Образ Унгерна-мечтателя, увлеченного идеей «подчинить не только Россию, но и весь западный мир азиатскому идеалу соединения в лице властителя-монарха духовной и светской власти» [Соколов, 2007, с. 6], сдвинут к полюсу «в лучшем случае рыцаря с большой дороги» [Унгерниада..., 2007, с. 413], а на деле – маньяка-палача, действия которого граничат с сумасшествием. В «Записках об Унгерне» он прямо назван «диким сумасшедшим бароном» [Там же, с. 343]. Отметим в скобках: «сумасшедшим бароном» назовет позднее Унгерна Арс. Несмелов в «Балладе о даурском бароне» [Несмелов, 1929, с. 73].

Сюжет поэмы «Возведенные на эшафот» носит фрагментарный характер. Трудно определить, входит ли подзаголовок «Отрывки из поэмы» в замысел автора, мистифицирующего читателя «отрывочностью» опубликованного текста, или он представляет собой сюжетную наметку нереализованного творческого проекта. Поэма состоит из семи стихотворений, помеченных порядковыми номерами. Каждое из них представляет собой завершённую историю, которой предпослана прозаическая ремарка, где оговорено место события, охарактеризована обстановка, вплоть до деталей. Так формат стихотворения приобретает свойство расширения до отдельной части целого, которую точнее было бы назвать «картиной». Сама же структура, характерная для драматургического произведения, размывает жанровые границы поэмы, преобразуя ее в гибридный жанр.

В центре первой картины, названной «Тот, кто возводит на эшафот», – образ инквизитора, главы духовного суда над еретиками. Поэтическая презентация героя представлена в форме его внутренней речи, звучащей как самооправдание:

И ветер, вместе с запахом их резким,
Нес аромат степных, горящих трав.
Мои глаза горели жутким блеском,
Мне было все равно: я знал, что прав.

И жег костры... и смелою рукою
Сжигал еретиков на них, а дым,
Поднявшись там, в лазури, над рекою
Висел туманом – черным и густым.

<...>

Ночь проходила. На рассвете тучей
На трупы вновь тянуло воронье.
Я раскрывал окно – о жизни лучшей
Мечтать и верить в Царствие Твое.

Но был открыт мне смысл моих видений
Еретиком, когда сказал мне он,
Вступив в огонь: – «Во имя сновидений
Ты сжег и сам – испепелен!»
(с. 127–128).

Внутренний монолог героя построен как цепь воспоминаний, подытоживающих жизнь, в которой мечта разошлась с реальностью: возводящий на эшафот сам оказывается под приговором своего внутреннего суда. Любопытна мизансцена, предваряющая стихотворный текст:

Комната одной из башен крепости. Стены из серого камня. В них – грубое деревянное Распятие. Перед Распятием пылает красная лампада, формой своей напоминающая сердце. Фолианты книг. Вместо пола – гулкие каменные плиты.

Инквизитор подходит к створчатому, высокому окну и открывает его. Рассвет (с. 127).

Своим аскетизмом и необустроенностью комната, расположенная в башне крепости, больше напоминает тюремные застенки, чем жилище главы духовного суда. Ее атмосфера словно настраивает на чувство раскаяния, звучащее в последней строфе. «Испепеленность» может означать здесь сокрушение сердца, осознание героем своего жизненного фиаско, однако, с другой стороны, – грозящий ему самому смертный приговор за невинно осужденных на костер. На такую интерпретацию настраивает темпоральная структура авторефлексии героя, словно оценивающего свою жизнь перед главным событием – казнью: все глаголы в тексте использованы в прошедшем времени. Вместе с тем такому прочтению противоречит название: «Тот, кто возводит на эшафот». Настоящее время глагола: «возводит» сигнализирует о сохраняющейся за инквизитором позицией актора, действующего субъекта. Можно заключить, что первая картина выполняет функцию экспозиции, вслед за которой разворачиваются эпизоды инквизиторских приговоров. «Отрывочный» характер поэмы не дает возможности однозначно определить ретроспективность или, наоборот, перспективность разворачивающихся событий. О перспективности свидетельствует лишь последняя, седьмая картина: «Тот, кто открывает неожиданно для себя неизвестные страны», где просматривается судьба самого автора.

На наш взгляд, за судьбой инквизитора высвечивается судьба барона Унгерна, движущаяся от побед к предательству и гибели. В самом образе героя запечатлен психологический портрет барона: его фанатичная уверенность в собственной правоте, готовность ради своей мечты «смелою рукою» уничтожить противников. Энергия пятистопного ямба с четким чередованием мужских и женских окончаний передает жесткую непоколебимость характера инквизитора, за которой скрыта жестокость и безразличие к судьбам своих жертв. Многие страницы воспоминаний Б. Волкова свидетельствуют об изощренности применяемых Унгерном пыток не только к своим прямым врагам, но и к их женам, домочадцам, а также простым жителям завоеванных поселений:

Для него казни (единственное наказание) мало, ему нужны казни разных видов, и мы, видевшие расправу его в Урге, знаем, что означают эти слова: всевозможные пытки, сжигание на медленном огне, удавливание пальцами, тонкой и толстой веревкой, изрубливание на куски, отдача женщины солдатам, и много других видов, которые зависят от фантазии и изобретательности очередного палача.

Всему этому, на основании вышеупомянутого приказа ², должны быть подвергнуты, во-первых, все евреи и их семейства, во-вторых, все причастные к большевизму... [Унгерниада..., 2007, с. 348].

По некоторым деталям образа инквизитора можно распознать черты лица Унгерна, запечатленные на его известном портрете – в монгольском халате с Георгиевским крестом, где особо выделяются его горящие «жутким блеском» глаза. Кроме того, образный ряд стихотворения расширяет его сюжетную панораму за пределы локального события аутодафе. Прототипическая ситуация обозначена уже первыми двумя строками: «И ветер, вместе с запахом их резким, / Нес аромат степных, горящих трав». Ландшафт недвусмысленно отсылает к монгольским степям, сжигаемым кострами войны. Дым от них поднимается «черным и густым» туманом, повисая вдали над рекою. Дополняет этот подтекстный план образ сажающегося на трупы воронья, являющийся типичным символом войны. Христианский мотив, звучащий в двух строках предпоследней строфы: «Я раскрывал окно – о жизни лучшей / Мечтать и верить в Царствие Твое» – находит соответствие в идеологической концепции Унгерна. Во время ареста после одного из допросов барона в Иркутске будущему писателю, а в 1921 г. сотруднику газеты «Красный стрелок» В. Зазубрину удалось коротко побеседовать с ним. На вопрос: «Скажите, почему вы ссылаетесь на священное писание? Зачем нужен был вам апокалипсис? Вы искренне верили?» ³ – Унгерн ответил: «Безусловно. Вот вы знаете Конфуция? Да у него, как и у вашего Ленина, как в коммунизме, ничего нет о боге, о загробной жизни, всё только о том, как бы здесь устроить и установить порядок. Учение Конфуция – религиозное учение. Учение вашего Ленина и коммунизм – тоже религия. Я полагал, что с религиозной идеей и такой сильной, как ваша, можно бороться только тем же оружием – религией. Коммунизму я противопоставил христианство» [Зазубрин, 1972, с. 36]. На последовавший вопрос Зазубрина: «Но ваш террор? Разве это по-христиански? С семьями и детьми?» – Унгерн хладнокровно отвечает: «Это не террор. Это обычай Востока. У китайца, у монгола враг, глава семьи, неотделим от членов семьи. Убить одного мало восточному человеку, надо всех. Я должен был угождать своим желтокожим солдатам. Это я делал для них. Хотя, в конце концов, это была моя ошибка. Так не надо бы. <...> Моя идея – создать кочевую монархию от Китая до Каспийского моря. Я за монархию. Без послушания нельзя. Николай I, Павел I – идеал всякого

² Речь идет об известном приказе № 15, перефразирующем слова Александра II: «Правда и милость да здравствует в судах» – в приказе Унгерна «милость» заменена на «беспощадность».

³ Речь идет о приказе Унгерна № 15, где в заключительной части барон усиливает свои приказания отсылками к Св. Писанию: «Нужен мир – высший дар Неба. Ждет от нас подвига в борьбе за мир и Тот, о Ком говорит Св. Пророк Даниил (гл. XI), предсказавший жестокое время гибели носителей разврата и нечестия и пришествие дней мира: “И восстанет в то время Михаил, Князь Великий, стоящий за сынов народа Твоего, и наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени, но спасутся в это время из народа Твоего все, которые найдены будут записанными в книге. Многие очистятся, убелятся и переплавлены будут в искушении, нечестивые же будут поступать нечестиво, и не уразумеет сего никто из нечестивых, а мудрые уразумеют. Со времени прекращения ежедневной жертвы и поставления мерзости запустения пройдет 1290 дней. Блажен, кто ожидает и достигнет 1330 дней”... Твердо уповая на помощь Божию, отдаю настоящий приказ и призываю вас, офицеры и солдаты, к стойкости и подвигу» [Барон Унгерн..., 2004, с. 172–173].

монархиста. Нужно жить и управлять так, как они управляли. Палка прежде всего. Народ стал дрянной, измельчал физически и нравственно. Ему палку надо...» [Зазубрин, 1972, с. 36]. На последний вопрос, кто писал его палаческие приказы, прозвучал жесткий ответ: «Я приказывал». «...Неожиданно у барона прорвалось прежнее вольное. Сжались сухие кулаки. Глаза провалились под нависший тяжелый лоб. ...Да, ты приказывал. Не щадил... На секунду почувствовался настоящий Унгерн. Сильный, с огромной инициативой, несомненный организатор, боевик. Сорви-голова и палач. Палач божьей милостью, по призванию, вдохновенный», – заключает Заzubрин [Там же]. Оксюморонная фраза «палач божьей милостью» в контексте наших рассуждений приобретает инквизиторский смысл, перекликаясь с верой героя Волкова в промыслительность своих палаческих способов искоренения ереси⁴. Вместе с тем в представленном Заzubриним образе Унгерна не видно того раскаяния, каковым отмечен образ инквизитора в поэме Волкова. Слабый намек слышен лишь в ответе Заzubрину на вопрос о тотальных пытках и казнях: «...в конце концов, это была моя ошибка. Так не надо бы».

Следующие разделы поэмы варьируют сюжет казни. В них мы уже не найдем отчетливых перекличек с воспоминаниями Волкова об Унгерне. Косвенно же их можно распознать в отдельных деталях и на уровне персонажей: жертвами инквизитора становятся женщина, обвиненная в связи с дьяволом; ждущий казни узник; ученый книжник, под пытками отказавшийся от своего учения; пленный еврей. В каждой из частей разыгрывается остросюжетная драматургическая сцена. Сюжетика всей поэмы, таким образом, укладывается в историческую ситуацию периода инквизиции и одновременно отсылает к распоряжениям Унгерна «убить всех». В пунктах 9 и 10 Приказа № 15 даны по этому поводу четкие инструкции:

9. Комиссаров, коммунистов и евреев уничтожать вместе с семьями. Все имущество их конфисковывать.

10. Суд над виновными м. б. или дисциплинарный, или в виде применения разнородных степеней смертной казни. <...> Мера наказания может быть лишь одна – смертная казнь разных степеней. Старые основы правосудия изменились. Нет «правды и милости». Теперь должны существовать «правда и безжалостная суровость». Зло, пришедшее на землю, чтобы уничтожить Божественное начало в душе человеческой, должно быть вырвано с корнем. Ярости народной против руководителей, преданных слуг красных учений, не ставить преград. <...> Единоличным начальникам, карающим преступников, помнить об искоренении зла до конца и навсегда и о том, что справедливость в неуклонности суда [Барон Унгерн..., 2004, с. 171].

Во второй части поэмы, озаглавленной «Испытующий и та, кто сознается в том, чего не было», с Приказом № 15 перекликается читаемая монахом «Книга Примет». Вероятно, под этим названием подразумевается знаменитый трактат по демонологии «Молот ведьм», написанный инквизитором Генрихом Крамером (в латинском варианте Генрихус Инститорис) и Яковом Шпренгером в конце

⁴ Вполне возможно, что Б. Волков был знаком с очерком Заzubрина, озаглавленным «О том, кого уже нет (Унгерн)». В его книге стихов есть короткий, состоящий из трех стихотворений цикл под названием «Тому, кого больше нет». Явная перекличка этих заглавий настраивает на предположение, что три стихотворения Волкова посвящены Унгерну. Однако они представляют собой воспоминания о погибшем друге, что может быть воспринято как семантическая оппозиция очерковому первоисточнику.

XV в., в котором слово «приметы» использовано в значении связи человека с дьяволом. В открывающей эту часть поэмы мизансцене монах читает фрагмент из книги, где приводятся «признаки появления Сатаны»: «...запах серы... Враг рода человеческого принимает всевозможные обличья... Любовницы его видят на голове его берет и у бедра – шпагу» (с. 129). Внешность дьявола, изображенного здесь в образе рыцаря, – одна из наиболее популярных его метаморфоз, появляющаяся в искусстве в XVI в. и увековеченная в образе Мефистофеля в «Фаусте» Гёте⁵. В «Молоте ведьм» указывается на человекоподобие дьявола-искусителя, возбуждающего свою жертву на «пагубную любовь или любовное исступление»⁶. Есть там и изображение дьявола в образе рыцаря: «одна молодая, но обращённая, ведьма, тётка которой была сожжена в Страсбургской епархии... прибавила... что способ, которым тётка пыталась соблазнить её вначале, был следующий. Однажды она приказала ей следовать за собой по лестнице и, по её приказу, войти в комнату. Там она увидела пятнадцать молодых людей в одеждах зелёного цвета, какие обычно носят рыцари; тётка сказала ей: “Выбери одного из этих юношей; кого ты хочешь, того я тебе дам, и он сделает тебя своей невестой”; когда та ответила, что не хочет ни одного, то жестоко была побита тёткой, но потом согласилась и заключила союз указанным способом»⁷. Таким образом, становится вполне очевидным, что Волков переименовывает «Молот ведьм» в «Книгу примет», целиком погружая читателя этой аналогией в инквизиторский сюжет, в котором обвиняемая в ведовстве героиня под последней перед костром пыткой признается в не существующей на деле связи с дьяволом.

Из всех содержащихся в поэме историй сюжет второй части исполнен особого драматизма и мог бы стать основой остросюжетной новеллы. Единый текст разделен на четыре фрагмента, в которых память инквизитора высвечивает последний день «юной еретички»:

Палач сорвал одежды, и волна
Ее волос покрыла тело.
Да, выбирает Сатана
Себе любовницу умело!

<...>

Так, чтоб от судей не могла
Она скрыть дьявольские знаки!..
На теле розовом игла
Кровавые оставит маки
(с. 129–130).

В этот момент, «надвинув капюшон, / Творя молитву по привычке» (с. 130), к юной деве подходит инквизитор. Его взор остановлен на ее нежной груди, после чего он всю ночь, рыдая, истязает ремнем собственную иссохшую плоть. Однако приход нового дня отрезвляет его ум:

⁵ Амфитеатров А. Дьявол в быту, легенде и литературе Средних веков. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/> (дата обращения 03.11.2021).

⁶ Шпренгер Я., Институтис Г. Молот ведьм. URL: <https://ruwapa.net/read/7706/> (дата обращения 03.11.2021).

⁷ Там же.

О, малонер! Господь твой свят
И благ. Будь снова хладнокровен!
И он сказал сурово: – «Брат,
Побольше пакли и жаровен!»
(с. 131)

В ракурсе воспоминаний Волкова приказ инквизитора соотносится с приказом Унгерна одному из своих офицеров, выполняющих функцию палачей, Бурдуковскому, по поводу казни своего бывшего любимца, прапорщика Чернова: «Дрова выбирай посуше... чтобы этот сукин сын не задохся в дыму раньше времени» [Унгерниада..., 2007, с. 369].

Свое минутное сострадание к измученной пытками героине инквизитор расценивает как дьявольское наваждение. Единственная милость, которую он себе позволяет, – распоряжение подать ей бокал вина:

Дух злобы сгинь! Он крепко сжал
Руками четки и сказал: – «Довольно!
Палач, прижми к губам ее бокал.
Пусть пьет вино, – ей будет больно!»
(с. 131).

Сотворив молитву, инквизитор подходит к юной девице, чтобы записать ее признания:

...И вот, он радостно спешит,
Чтоб записать слова другие.

Сияет счастьем нежный взор,
И говорит она устало:
«Лучи коснулись синих гор,
О, милый, дай мне покрывало!

Уж утро, милый! Вдалеке
Пастух играет на свирели,
И перламутром на реке
Туман поднялся еле-еле»...
(с. 132).

Остается до конца непонятным, кому адресованы эти слова, произнесенные в состоянии помутненного сознания. Чей образ привиделся героине: далекого возлюбленного? дьявола? ангела-хранителя? А может быть, он обращен к стоящему рядом инквизитору, в котором ей почудился «милый» образ? Однако дьявольское наваждение не соотносится с названием этого раздела поэмы: «Испытующий и та, кто сознается в том, чего не было». Но грозный вопрос палача: «Да иль нет?» – вырывает у нее ожидаемое признание в несовершенных грехах: «Да, берет... / Да... я заметила и шпагу» (с. 132).

Последний стих, кажется, дает ответ на вопрос, к кому обращается измученная страданиями героиня:

...И Ангел Смерти эту тишь
Не рассечет мечом горящим...

Темно. Багровый отблеск лишь
Отброшен факелом, дымящим
(с. 132).

Трагическая история юной девы, оказавшейся невинной жертвой духовного суда и призывающей как избавителя ангела смерти, осложнена двоящимся образом инквизитора, в котором жалость борется с долгом, и в итоге побеждена им. Финалом вырванного у героини признания связи с дьяволом становится смертная казнь через сожжение на костре – в соответствии с составленным самим инквизитором «Листом примет», за которым скрыт «Молот ведьм», где сказано: «Ведьмы заслуживают наказаний, превышающих все существующие наказания», «Позорные дела ведьм превосходят все другие преступления. Они подлежат наказанию вдвойне: как еретики и как апостаты. ...еретики наказываются четырьмя способами: отлучением, отрешением от должности, конфискацией имущества и телесной смертью... Тяжкие наказания полагаются также сообщникам ведьм: укрывателям, пособникам и защитникам»⁸.

На уровне диалога времен косвенная отсылка к средневековому трактату настраивает на сравнение описанного в нем приговора с карательными мерами, декларированными в Приказе № 15 барона Унгерна. При таком сравнительном подходе от Приказа Унгерна начинает веять тьмой Средневековья. В поэме усиливающим межтекстовый диалог сигнальным элементом служат строки: «Он сам составил “Лист примет” / И розыск для него нетруден» (с. 131) – ср. ответ Унгерна Зазубрину на вопрос, кто составлял его приказы: «Я приказывал».

Мотивом признания под пыткой в несовершенном грехе история «юной еретички» перекликается с четвертой картиной: «Тот, чьи книги сжигают прежде, чем сжечь его самого». Невинной жертвой инквизиции в ней становится ученый:

Этот длинный, позорный свиток
Сквозь века повторит о том,
Что под болью повторных пыток,
Я признал сам себя лжецом:

– «Сим скрепляю: мое ученье,
Моих книг богомерзких – вред,
Скудоумца суть заблужденья,
И преступника лживый бред».

<...>

Я с трудом подписал... Как плети,
Руки после клещей висят.
И надели колпак мне дети,
И рисунки на нем – ваш ад
(с. 136–137).

Колпак и санбенито, поясняет автор в описании мизансцены, – «одежда с изображением чертей и адского огня, которую надевают на еретиков, сжигаемых на ауто-да-фе» (с. 136). Образ ученого, отрекшегося под пытками от своих убеждений, однако преданный костру, характеризует не столько эпоху инквизиции, сколько современное поэту «смутное время». Как следует из «Молота ведьм»,

⁸ Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм.

раскаяние «еретика» на инквизиционном суде спасало его от костра, но при этом не даровало свободу. Чаще всего смерть заменялась тюремным заключением «на неопределенное время», главным образом на пожизненное, которое впоследствии могло быть смягчено, как произошло это, например, с Галилеем, проведшим остаток жизни под домашним арестом и надзором инквизиции. Аутодафе подвергались «еретики», отказавшиеся отречься от своих убеждений. Среди наиболее известных в истории инквизиции таковыми были Ян Гус, Джордано Бруно. Казнь отречьшегося ученого в поэме Волкова, искажающая историческую ситуацию, вероятнее всего, изображена в целях акцентирования незаконности не суда инквизиции⁹, а зашифрованных в подтекст карательных санкций Унгерна и его палачей:

Страшную картину представляла собой Урга после взятия ее Унгерном... Трупы гамин-китайцев вперемежку с обезглавленными, замученными евреями, их женами и детьми пожирались дикими монгольскими собаками. <...> На воротах и фонарях качались трупы повешенных (в первый день барон лично повесил на воротах женщину за воровство). ...стали доходить слухи о невероятных пытках и насилиях над женщинами, а затем трупы замученных были выброшены недалеко от города... [Унгерниада..., 2007, с. 356].

Отсылка к современности встроена в заключительные строки анализируемого фрагмента поэмы, в структурном отношении соответствующие коде – финальному пассажи музыкального произведения, находящемуся за пределами его основного строения, а в содержательном плане выполняющие роль предостережения «иной расе»:

...И тебе, о иная раса,
Богоборческий символ дам, –
Я, отступник, пред бездной мрака
Молчаливый и жалкий шут, –
Ожидавший так тщетно знака
В искрометном чаду минут!
(с. 138).

Многоточие, предваряющее эти финальные строки, отделяет их от основного действия, что оправдывает их соответствие коде. Невозможно однозначно определить, что имеет в виду поэт под вложенным в уста ученого понятием «иная раса». На наш взгляд, вступая в связь с «богоборчеством», оно может означать атеистический мир – «иную расу» новой, отступившей от Бога Советской России:

⁹ Любопытно в этом плане отношение католической церкви к суду над Дж. Бруно и Галилеем. В интервью «Новой газете» академик РАН В. И. Арнольд излагает беседу с Папой Иоанном-Павлом II по поводу реабилитации Дж. Бруно: «Папа Иоанн-Павел... сказал мне, что мое предложение реабилитации Джордано Бруно принять нельзя, так как Бруно в отличие от Галилея осужден за неверное теологическое утверждение, будто его учение о множественности обитаемых миров не противоречит Священному Писанию. “Вот, дескать, найдите инопланетян – тогда теория Бруно будет подтверждена и вопрос о реабилитации можно будет обсудить”. Там же я узнал и об обвинении Галилея. Оказывается, основное инкриминируемое ему утверждение состояло не в том, что Земля вертится, а в том, что, по его словам, “теория Коперника не противоречит Библии”. Галилей (в основном) реабилитирован, ибо справедливость его утверждения теперь признана Ватиканом» [Ваганов, 2001].

произведение было создано в начале 1930-х гг. Возможно также, что за соби- рательным образом «иной расы» скрыт азиатский мир, на который делал ставку Ун- герн: «Вообще белые никуда не годятся. Я за желтых. Желтые, несомненно, побе- дят», – утверждал он даже во время своего ареста [Зазубрин, 1972, с. 36].

Героем третьей части поэмы «Тот, кто дописывает недописанные строки» яв- ляется тюремный узник, образ и участь которого вызывают аналогии со многими жертвами Унгерна и его палачей.

Ему перестали сниться
Эти сны давным-давно.
Но вот, заключив в темницу,
Спустили его на дно.

Глубокий колодец. Сыро.
Тряпье. Черепа в углу.
Исступленные звуки мира
Шорохом канут в мглу
(с. 133).

В воспоминаниях Волкова есть жуткая история миллионера Носкова, предста- вителя английской фирмы Бидермана:

...Восемь дней пытали Носкова, вскоре он превратился, по заявлению палачей, в «мешок с костями». Его жгли раскаленным железом, пороли, подвешивали за пальцы к потолку... После пыток приносили его в бессоз- нательном состоянии, раскачивали и бросали на дно подвала, в котором были неубранные трупы замученных ранее людей [Унгерниада..., 2007, с. 352–353].

Такие детали мизансцены в поэме, как «похожая на глубокий колодец тюрьма», «черная масса... расprostертого на дне человека» (с. 133), а также «черепа в уг- лу» перекликаются с деталями истории Носкова: такое же «дно подвала», безжиз- ненное от перенесенных пыток тело, неубранные трупы. Разница лишь в том, что в поэме тюрьма имеет довольно долгую историю: от ее узников остались лишь кости («черепа в углу»), тогда как в унгерновских подвалах лежат неубранные трупы недавних замученных людей. Переключка с трагедией Носкова прослежива- ется и далее через мотив пытки каленым железом: узник темницы видит на ее стене оставленные недописанными строки:

Палач, разорвав одежды,
Клеймит, и до смерти след.
Не знаю, кто ты. Надежды
Напрасны. Возврата нет!
(с. 134).

Так давние и близкие поэту события оказываются созвучны между собой. Эта мысль воплощена в произведении приемом диалога безымянного узника с «давно ислевшим»: на той же стене он пишет ему собственной кровью ответ-утешение:

Кровь те же чернила. Ржавым
Гвоздем рвет, спеша, ладонь:
– «К иным, лучезарным славам,
Уносит вздыбленный конь;

Где никнут года, мерцая
Улыбкой забытых лиц,
Ты встретишь простор без края,
И в нем – огнекрылых птиц»
(с. 134).

Однако «на стены кровь не ложится», и строки узника, словно слезы, «сбегают врозь». Будущее оказывается испепеленным человеческим безумием:

– Лишь тело на дне темницы,
Как ветошь, без жалоб брось

Тому, Кто на небе судит
И ласково длань простер
Над местом, где завтра люди,
Беснуясь, зажгут костер!

Господь, Ты уверен, зная,
Что вновь протрубит труба...
И огонь на пороге рая
Сожжет Твоего раба!
(с. 134–135).

Мотив трубы ассоциативно связан с двумя образами: трубы войны и трубы апокалипсиса. Но оба они находятся в одном семантическом поле: смерти героя у «порога рая». Вопрос о том, удастся ли ему переступить этот порог, остается за гранью текста.

Героем пятого фрагмента поэмы «Ван-Рабен, не любящий латыни» является пленный еврей. Действие происходит в лесу, где небольшой отряд гезов находится в окружении войск герцога Альбы. Это последняя ночь гезов перед казнью. У одного из костров ведется тихий разговор. В этой части в первый и единственный раз возникает комическая интонация, характеризующая образ героя – еврея Ван-Рабена, от имени которого ведется рассказ:

– Ну что ж, – сказал Ван-Рабен, – тягу
Не дам!.. но лишь хорош рассказ,
Когда наполнят слушатели флягу
Не раз!.. не раз!..
(с. 139).

Лубочный образ Ван-Рабена – вольнодумца, насмешника, балагура, выпивохи недвусмысленно связан с литературным Ш. де Костером героем фламандского фольклора Тилем Уленшпигелем, а также появляющимся в «Легенде о Тиле...» его верным спутником Ламмой Гудзаком, ставшими для времени революции в Нидерландах XVI в. воплощением жизнелюбия и вольности духа. На аллюзивность образа Ван-Рабена указывает такая деталь, как его передвижение на осле: Тиль также странствует на осле после изгнания из Фландрии. Заимствует Волков и возглас Уленшпигеля «Да здравствует гез!» – в варианте «Да здравствует свободный гез!» (с. 141). Даже перед лицом смерти герой Волкова не теряет своего юмористического настроения. Легким стилем, напоминающим короткие смешные рассказы – шванки, поэт изображает драматическую судьбу героя-протестанта, выступающего против власти католической церкви во Фландрии:

Не смейся, висельник!..

<...>

О, в этот миг
Я, как с тобою, сговорился с Небом,
Так просто, без посредства книг!
(с. 140).

В том, что в качестве героя этого фрагмента поэт выбирает еврея, нам видится переключка двух исторических ситуаций: гонение на евреев было одной из задач испанской инквизиции – так же, как и установок Унгерна, отраженных в Приказе № 15.

Таким образом, во фрагментарном сюжете поэмы автор от картины к картине словно подвергает художественной обработке положения унгеровского Приказа. В предпоследней части «Те, кто переживают казнь» наконец после череды жертв появляется развернутый образ палача: «ландскнехта и ветерана», по его собственным словам, «погрязшего в скверне» (с. 143):

Он прислан отстранить от тел
Толпу собравшихся на праздник
И равнодушно осмотрел
Приготовленье к новой казни
(с. 143).

После ее завершения ландскнехт садится играть в кости в таверне, где его ставкой служит плащ, снятый с трупа:

Пусть он идет ценой подарка,
А в том, что эти пятна – грязь, –
Свидетель – Лев Святого Марка!
(с. 145).

Как и герой поэмы, палачи Унгерна не брезговали вещами убитых, оставляя себе в качестве награды третью часть. Среди приведенных Волковым примеров особой жестокостью и цинизмом отмечен сподвижник барона Сипайлов. Вот лишь одна деталь его образа:

Когда войска ушли из Урги, он, одетый в штатское платье замученных им евреев и задавленного Олуфсена, инструктирует вновь сформированное монгольское комендантство по части удушения [Унгерниада..., 2007, с. 353–354].

Последняя картина «Тот, кто открывает неожиданно для себя неизвестные страны» представляет пологий берег, к которому прибоем принесен остов разбитого судна. «На холме часовой-латник. Он зорко всматривается из-под ладони в даль... На опушке леса не смолкают удары топоров» (с. 147).

Мы отдавали жизнь не даром,
И путь к неведомой земле
Со стен, охваченных пожаром,
Мечом пробили в бурой мгле.

<...>

Я в честь твою разрушить башни,
Братъ города в те дни мечтал...
О, не жалеи! Наш день вчерашний –
До капли выпитый бокал.

<...>

Как кедром пахнет дом наш новый.
Ты слышишь запах горьких трав?
И мальчик мой белоголовый
Уснул, к груди моей припав...
(с. 148).

В финальной части, как и в начале поэмы, вновь звучит голос лирического героя. Но если в начале это был голос инквизитора, то в финале – чудом спасшегося морского геза, за образом которого нетрудно распознать образ самого автора, также чудом избежавшего смерти и в итоге долгих скитаний оказавшегося в Америке. Можно сказать, что последний сюжет поэт выстраивает по канве собственной судьбы. Образ разбитого судна – символ невозможности возвращения для героя, отрезанного ему пути на родину, что открывает новые дороги жизни. Символом полноты бытия становится в последних строках поэмы триада «отец – мать – сын»¹⁰ – обитателей нового дома. В итоге сюжет поэмы Волкова, закольцованный счастливым финалом, приобретает свойство завершенности.

Таким образом, сюжет воспоминания в поэме «Возведенные на эшафот» автор «упаковывает» в события XVI в., которые косвенно вовлекают современность в свой водоворот, словно превращая ее в одно из своих отражений.

Список литературы

- Барон Унгерн в документах и мемуарах / Сост. и ред. С. Л. Кузьмин. М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2004. 661 с.
- Ваганов А. История джаза вместо курса алгебры // Новая газета. 2001. 27 дек.
- Волков Б. В пыли чужих дорог. Берлин: Парабола, 1934. 176 с.
- Зазубрин В. О том, кого уже нет (Унгерн) // Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1972. Т. 2. С. 34–36.
- «Мы жили тогда на планете другой...» Антология поэзии русского зарубежья. 1920–1990 (Первая и вторая волна): В 4 кн. М.: Московский рабочий, 1994. Кн. 2. 466 с.
- Несмелов Арс. Кровавый отблеск. Харбин, 1929. 32 с.
- Проскурина Е. Н. Восток в творческом сознании Б. Волкова // Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1. С. 264–280. DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-264-280
- Соколов Б. В. Барон Унгерн. Черный всадник. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. 447 с.
- Унгерниада. Записки Б. Н. Волкова // Соколов Б. В. Барон Унгерн. Черный всадник. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. С. 317–431.

References

Baron Ungern v dokumentakh i memuarakh [Baron Ungern in documents and memoirs]. S. L. Kuz'min (Comp., Ed.). Moscow, Tov. Nauchn. izd. KMK, 2004, 661 p.

¹⁰ В книге «В пыли чужих дорог» поэт посвящает сыну цикл под тем же названием: «Сын» (с. 63–67).

“*My zhili togda na planete drugoy...*” *Antologiya poezii russkogo zarubezh'ya. 1920–1990 (Pervaya i vtoraya volna): V 4 kn.* [“We lived then on a different planet ...” Anthology of poetry of the Russian emigration. 1920–1990 (First and second wave): In 4 bks.]. Moscow, Moskovskiy rabochiy, 1994, bk. 2, 466 p.

Nesmelov Ars. *Krovavyy otblesk* [Bloody reflection]. Kharbin, 1929, 32 p.

Proskurina E. N. Vostok v tvorcheskom soznanii B. Volkova [East in the creative mind of B. Volkov]. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*. 2021, no. 1, pp. 264–280. DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-264-280

Sokolov B. *Baron Ungern. Chernyy vsadnik* [Baron Ungern. Black horseman]. Moscow, AST-PRESS KNIGA, 2007, 447 p.

Ungerniada. Zapiski B. N. Volkova [Ungerniada. Notes of B. N. Volkov]. In: Sokolov B. *Baron Ungern. Chernyy vsadnik* [Baron Ungern. Black horseman]. Moscow, AST-PRESS KNIGA, 2007, pp. 317–444.

Vaganov A. Istoriya dzhaza vmesto kursa algebrы [History of jazz instead of algebra course]. *Novaya gazeta*. 2001. 27 Dec.

Volkov B. *V pyli chuzhikh dorog* [In the dust of foreign roads]. Berlin, Parabola, 1934, 176 p.

Zazubrin V. O tom, kogo uzhe net (Ungern) [About who no longer exists (Ungern)]. *Literaturnoye nasledstvo Sibiri* [Literary heritage of Siberia]. Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd., 1972, vol. 2, pp. 34–36.

Информация об авторах

Елена Николаевна Прокураина, доктор филологических наук

WoS Researcher ID K-6509-2017

Игорь Витальевич Силантьев, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук

Scopus Author ID 57196703813

WoS Researcher ID S-7121-2016

RSCI Author ID 143736

SPIN 8643-6461

Information about the authors

Elena N. Proskurina, Doctor of Philology

Researcher ID K-6509-2017

Igor V. Silantev, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philology

Scopus Author ID 57196703813

WoS Researcher ID S-7121-2016

RSCI Author ID 143736

SPIN 8643-6461

Статья поступила в редакцию 12.05.2022;

одобрена после рецензирования 29.05.2022; принята к публикации 29.05.2022

The article was submitted 12.05.2022;

approved after reviewing 29.05.2022; accepted for publication 29.05.2022